

Владимир БРАЙНИН: Я МИР УВИДЕЛ ПО ВТОРОМУ ЗАХОДУ

Вел. Москва - 2002 - 7 июня - с. 4.

Дарья АКИМОВА

Про картины

— О себе мне говорить трудно. Если я что-то говорю, то почти наверняка объясняю картинку. Хотя вообще-то нормальная живопись не нуждается в объяснении — иначе это литература.

Вот в Париже очень хорошая публика: они, слушая тебя, становятся твоими сторонниками. А у нас: «Ну и чего ты вот это делаешь?! А это — для чего?! А почему пишешь пейзажи? Что, портреты писать не умеешь?»

— Как отличить «нормальную» живопись?

— По запаху. Если человек не лишен обоняния, он его почувствует — как запах утечки газа, например. Так же и с картиной, с фильмом, с книгой. У меня есть друг — физик, профессор МГУ. Он великолепно чувствует, какая работа (одного и того же художника!) сделана «на потребу», а какая — настоящая. Он не ошибается, я много раз проверял. Люди так и должны чувствовать! Думать, а не потреблять разжеванное искусство и расфасованную в тубики любовь. Таких доморощенных космонавтов у нас, увы, уйма.

— У вас сегодняшняя Москва какие чувства вызывает?

— Мне кажется, Москва пропадает, уходит. Меня это очень мучает. Вспомните Трубную площадь, все эти погибшие переулки!

— Москва — существо женского пола?

— Да! Кстати, я очень давно хочу сделать серию обнаженных. Я не люблю в женщинах то, что называется «формы». Я этого не понимаю, я теряюсь. Мой образ — это что-то хрупкое, полудетское.

Про людей

— Я сейчас с удивлением наблюдаю за тем, как я без родительского живу. Там, с ними, я командовал парадом, но чувствовал себя абсолютно защищенным! Были, правда, еще и женщины, которые считали, что меня любят. Или я так думал.

— Почему так пессимистично?

— Наверное, дело не в том, что мне «мешала» женщина. Я просто

Художник Владимир Брайнин пишет город, но назвать его работы «городским пейзажем» язык не поворачивается. Он — исследователь Атлантиды (когда-то мечтал стать археологом), утонувшей Венеции, канувших в никуда двориков с сиренью, портретист умирающих кариатид. Его не любят представители «салонного» искусства (слишком умен) и не любят представители «актуального» искусства (слишком старомоден). Брайнин не борется ни с теми, ни с другими. Просто работает.

**Владимир Брайнин.
«Черная труба», 1984**

боялся привычки. Или ответственности, потому что за те обязательства, которые я на себя все-таки взял, я привык отвечать.

— «Женщина-художница» — это абсурд?

— Половой шовинизм — это не про меня, хотя за столом я могу сказать: «Вот, эти бабы, надоели...» Но это просто застольные разговоры. Слово «художница» — все равно как «продавщица», противное. Но тут вот что важно: ты, голубушка, взялась за живопись? Так будь лобезна — работай и скидок не жди. Ни на секунду. А то постоянно слышу: «Ах, я женщина, мне холсты таскать тяжело...» Делай маленькие картинки! Найми грузчиков! Нет, лене! — сама тащи!

— Два художника вместе не живутся?

— Почему? Если они друг друга обогащают! Аполлинер, конечно, круче, чем его муза Мари Лорансен. Но она же старалась! А была

бы она любовница какого-нибудь угольщика — лепила бы картинку где-нибудь на набережной Марселя для туристов.

Для мужчины очень важно помимо эротического влечения — уважение. А иначе женщина превращается в очень собственную, очень милую обезьянку.

— Вам с сыном легко?

— Мы, наверное, друзья. Он окончил журфак. Работает на радиостанции. Кира — симпатичный человек, но мы очень разные. Он хочет жениться, представляете? Нет, ну ради бога, но в двадцать три года все еще впереди. Я, правда, и сам недолго «каркал» — в двадцать семь женился.

И все-таки про себя

— Я по молодости многого не понимал — вообще рос избалованным ребенком.

— Родители постарались?

— Все! Друзья, которые меня очень ценили. Но, с другой сторо-

ны, меня это не расслабляло. Я с художественной школы начал себя наблюдать и, если хотите, свою индивидуальность возвращать. Но те претензии, которые я предъявлял себе, никогда не предъявлял коллегам: дескать, они слабее. А то, что я прошошу кому-то другому, я себе не прошу.

— Вы обидчивый?

— Нет, я ранимый. Да, со мной можно делать все, что угодно, но осадок накапливается. Как в анекдоте, помните: две семьи встречают вместе Новый год, потом хозяйка звонит гостям: «Вы не брали наше столовое серебро?» — «Нет, ну как вы могли подумать!». Звонит через три часа: «Ну что, нашли?» — «Нашли, все в порядке. Но знаете, осадок остался...».

Я вспыльчив. Всякие ремонты, например, для меня страшное испытание. Я если увижу, что что-то не так сделано, — возьму молоток и сломаю. Могу. Потом буду жалеть. Собственно, у меня и мастерской нет. Работую в квартире, которая мне досталась от родителей.

— А что за жуткая «квартирная» история, которая у вас случилась?

— Была моя большая выставка, после которой меня «заметили»: дважды ограбили, причем проломили голову и сломали ребра. В моей же собственной квартире. Я до этого почему-то думал, что меня все любят и уважают. А когда начались милицмейские разборки, в один голос мне сказали: «Ищите в близком окружении». Вот это было самое худшее: у меня был открытый дом! Первый раз я не дал ни адресов, ни записных книжек — чтобы милиция никого не дергала. Понятно, что никого не нашли. Хотя старались. Внутренне я уверен, что тех, кто это сделал, в живых уже нет. А тот, кто «заказал»...

— Вам не захотелось сменить квартиру?

— Нет. Я кот (и скорпион, кстати — кот-колдун), а коты очень долго привыкают к месту. Есть минус — появился страх. Которого не было никогда. Хотя смешно: вот эти обстоятельства на меня повлияли не самым худшим образом. Мозги стали по-другому работать. Я мир увидел по второму заходу.